

ELIZABETH
GEORGE

**The Edge of Nowhere
The Edge of Water**

ЭЛИЗАБЕТ
ДЖОРДЖ

ГРАНИ ВОДЫ

Москва
2016

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Д42

Elizabeth George
THE EDGE OF THE WATER

Copyright © Elizabeth George, 2012.

Оформление серии *Р. Фахрутдинова*

Перевод с английского *Т. Черезовой*

Джордж, Элизабет.

Д42 Грани воды / Элизабет Джордж ; [пер. с англ. Т. Л. Черезовой]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 416 с. — (Generation Z).

ISBN 978-5-699-83128-9

На острове Уидби вновь происходят загадочные события, не дающие покоя обитателям. Возвращение Неры, угольно-черного тюленя, привлекло на остров толпы журналистов, не нравящихся местным жителям. Напряжение нарастает, и Бекка Кинг опять оказывается втянута в неприятности, ведь и ей есть что скрывать. Ее необычайные способности все усиливаются, но ей оказывается не с кем разделить тревоги.

И кто такая эта неизвестная никому молчаливая девушка, найденная на берегу?

Впервые на русском языке!

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Черезова Т., перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-83128-9

*Гэйл Цукияме,
обожаемой младшей сестре, которая сказала слово,
подарившее мне эту историю*

Все делал я, заботясь о тебе,
(Тебе, бесценная, тебе, о дочь!),
Но ты не ведаешь, кто ты...¹

Уильям Шекспир «Буря»

¹ Перевод М. Н. Бычкова

Часть 1

ПЕРЕВАЛ ОБМАНОВ

Мир Силлы

К родителям я попала в возрасте двух лет, и единственные мои воспоминания от того периода, который предшествует воспоминаниям о них, похожи на сны. Меня несут. Поблизости вода. Мне холодно. Кто-то бежит со мной на руках, так крепко прижав мою голову к своему плечу, что мне больно от каждого его шага. И я знаю, что это «он» — по тому, как он меня держит. Ведь мужчинам инстинкт не подсказывает, как надо держать малышей.

Стоит ночь — и я помню огни. Помню голоса. Помню, как дрожу от страха и холодной влаги. А потом меня заворачивают во что-то теплое, моя дрожь унимается — и я засыпаю.

После этого, в другом обрывке сна, я вижу себя в другом месте. Какая-то женщина говорит мне, что теперь она — мама, и указывает на мужчину, чье лицо нависает надо мной, и он говорит, что теперь он папа. Но они не мои родители, и никогда ими не будут — точно так же, как те слова, которые они произносят, — это не мои слова и никогда моими не будут. Это и стало источником моих проблем.

Я не разговариваю. Я только хожу, указываю и наблюдаю. Я как-то выживаю, делая то, что мне велят. Но я боюсь того, чего другие дети не боятся.

Больше всего я боюсь воды, и это становится проблемой с самого начала. Дело в том, что я живу

с этими мамой и папой в доме, который стоит высоко над обрывом, высоко над многими милями воды, и из окон этого дома я вижу только воду. Из-за этого мне хочется прятаться в доме, вот только ребенку так нельзя: положено ходить в церковь, проводить время с родными и, когда ребенок становится взрослее, записаться в школу.

Я всего этого не делаю. Я стараюсь это делать, и мама и папа пытаются заставить меня это делать, и другие тоже пытаются. Но все мы терпим неудачу.

Вот почему в конце концов я оказываюсь далеко, в таком месте, где нет воды, которая бы меня окружала. Меня трогают люди. Они меня тыкают и теребят. Они разговаривают так, как будто меня здесь нет. Они смотрят видеозаписи со мной. Они демонстрируют мне картинки. Они задают мне вопросы. Пока все это происходит, я слышу: «Так *сделайте* же что-нибудь с ней — для этого мы ее и привезли!» Эти слова ничего мне не говорят, но по тому, как они звучат, я распознаю в них прощание.

И я остаюсь в этом безводном месте, где обучаюсь тем элементарным вещам, которые принято считать жизнью человека. Я научилась приводить себя в порядок и есть сама. Но больше ничего. Дайте мне простое задание — и я смогу его выполнить, если мне точно покажут, что именно надо делать. Из этого всем становится понятно, что с моей памятью все в порядке. Однако это — единственное, что удастся понять. В результате меня называют загадкой. Говорят, надо радоваться, что я хотя бы могу ходить, сама ем и привожу себя в порядок. Говорят, это уже повод ликовать.

И вот в конце концов меня возвращают тем маме и папе. Кто-то объявляет: «Тебе уже восемнадцать лет. Здорово, правда?» Хотя эти слова ничего для меня не значат, по ним я понимаю, что что-то изменится. Итак, остается только поездка куда-то на машине

холодным январским днем на праздничный пикник по поводу моего возвращения домой.

Мы едем в парк. Дорога туда занимает, похоже, очень много времени. Мы переезжаем высокий мост, и мама объявляет: «Закрой глаза, Силла! Внизу вода!» Я так и делаю, и скоро мост уже остается позади. Мы заезжаем в деревья, которые возносятся в небо, и спускаемся все ниже и ниже по петляющей дороге, покрытой опавшими иголками, которые кедры роняют в зимние ураганы.

В конце дороги — место для машин. Там же стоят столики для пикника. Мама говорит: «Что за день для пикника! Сходи к берегу, Силла, пока я все przygotowую. Я знаю, как ты любишь смотреть на берег».

Папа говорит: «Угу. Пошли, Силл». Он шагает к густым зарослям кустов с блестящими листьями, которые растут под деревьями. Следом за ним я выхожу к тропинке, которая идет через них. Там оказывается дорожка из песка и земли. По ней мы проходим под кедрами и елками, огибаем заросли папоротника и валуны — и наконец оказываемся на берегу.

Я не боюсь берегов — только воды, которая идет по их краю. Сами берега я обожаю: их соленый запах и толстые ползучие змеи водорослей, перемещающихся по ним. Здесь есть плавник, выглаженный водой. Здесь есть огромные камни, по которым можно карабкаться. Здесь высоко парит орел, здесь орет чайка, и дохлый окунь лежит на жестком холодном солнце.

Я останавливаюсь рядом с рыбой. Я нагибаюсь, чтобы ее осмотреть. Я наклоняюсь ниже, чтобы ее понюхать. От едкой вони у меня режет глаза.

Чайка снова орет — и орел издает крик. Он то опускается, то взмывает выше, и я слежу за его полетом взглядом. Он летит на север и исчезает за деревьями.

Я смотрю, не вернется ли он — но птица улетела. Как я замечаю, исчез и папа, который вывел меня че-

рез деревья на берег. Он остановился там, где дорожка встретилась с песком. Он сказал: «Пожалуй, посмолю палочку, от которой бывает рак. Не рассказывай Нашей самой главной, ладно, Силл?» — а я молча пошла дальше. Наверное, он вернулся к машине за обещанным пикником, и теперь я одна. Мне не нравится одиночество и близость воды. Я поспешно возвращаюсь туда, где стоит машина.

Но она тоже исчезла, как и папа. И мама тоже исчезла. На том месте, где должны были устроить пикник, на сером, поросшем лишайниками столе под деревьями остались только две вещи. Одна — это сэндвич, завернутый в пленку. Вторая — маленький чемодан с колесиками.

Я подхожу к этим предметам. Я осматриваюсь. Я вижу, я наблюдаю, я указываю пальцем, как обычно. Но тут нет никого, кто бы мне ответил.

Здесь — где бы оно ни было, это «здесь» — я одна.

Глава 1

Когда кто-нибудь говорил: «Деньги — это еще не все», Дженн Макдэниелс сразу знала об этом человеке две вещи. Во-первых, он никогда не был бедным. Во-вторых, он ни малейшего понятия не имел о том, каково это — быть бедным. Дженн была бедна — она была бедной все свои пятнадцать лет, так что имела очень даже хорошее понятие о том, что приходится делать, если у тебя нет денег. Ты покупаешь одежду в секонд-хенде, ты готовишь странные блюда из просроченных продуктов, а когда тебе подворачивается нечто такое, что обещает хотя бы крошечную долю вероятности сбежать от занавесок из простыней и жизни, где все достается тебе из вторых рук, ты делаешь все, чтобы это получилось.

Именно этим она и занималась в тот день, когда в ее жизнь въехала Энни Тэйлор. Даже если бы состояние очень недурной серебристой «Хонды Аккорд» не сказало Дженн, что Энни Тэйлор на остров Уидби занесло случайно (Господи, эта машина была даже чисто вымыта!), то она поняла бы это по номерам штата Флорида. Как и по модному наряду Энни Тэйлор, и весьма стильной стрижке рыжих волос. Энни вышла из машины, уперла руку в бок и спросила у Дженн:

— Это Позешн-пойнт, так?

При этом она хмуρο посмотрела на полосу препятствий, которую Дженн устроила в конце подъездного пути.

Эта полоса препятствий и была для Дженн тем крошечным шансом сбежать от занавесок из простыней и подержанных вещей. А еще она была ее шансом вообще сбежать с острова Уидби. Полоса состояла из крышек от мусорных контейнеров, сломанных сидений для унитазов, погнутых ведер, поплавков и разорванных спасательных жилетов: они служили заменой разметочных конусов, которые для тренировок использовал бы любой другой подросток — типа, подросток с деньгами. Она собиралась как минимум час водить мяч по полосе препятствий. До набора игроков в женскую сборную острова оставалось несколько месяцев — и Дженн была твердо намерена попасть в команду. Центральный полузащитник! Блестящая девица с потрясающей скоростью! Ловкость просто невероятная! Ее будущее обеспечено! Университетская стипендия, я иду к тебе... Только сейчас дорогу ей преградила машина Энни Тэйлор. Или, может, это Дженн преградила дорогу Энни — как посмотреть.

Дженн подтвердила — ага, это Позешн-пойнт — однако не стронулась с места, чтобы Энни смогла ехать дальше. Откровенно говоря, она не видела,

с чего бы ей это делать. Эта рыженькая явно оказалась здесь случайно, и если уж ей приспичило полюбоваться видом — который ничего особенного из себя не представляет, — так пусть топает к воде на своих двоих.

Дженн повела футбольный мяч к сломанной крышке от унитаза, делая обманные движения и финты. Она хитро уворачивалась, чтобы обмануть своих соперников. Она как раз собралась провести мяч мимо крышки мусорного бака, когда Энни Тэйлор ее окликнула:

— Эй! Извини! Ты мне не поможешь?.. Я ищу Брюса Макдэниелса.

Дженн остановилась и бросила на нее взгляд через плечо. Энни добавила:

— Ты его знаешь? Он вроде бы здесь живет. У него для меня ключ. Кстати, я — Энни Тэйлор.

Дженн вздохнула и подхватила мяч. Брюса она знает, еще бы. Брюс — ее папа. Когда она в последний раз его видела, он пробовал пять разных сортов домашнего пива — на веранде, несмотря на февральский холод. Все пиво он выставил на перилах, чтобы «полюбоваться шапкой», прежде чем выдуть. Он варил пиво в сарае на участке — и всегда запирали его надежнее любого банковского сейфа. Когда он не занимался варкой, то тайком продавал ее результаты. А когда он не занимался этим, то продавал наживку тем рыбакам, которым хватило храбрости пришвартовать свой катер к его шаткому причалу.

Когда Энни Тэйлор заговорила про ключ, Дженн первым делом подумала, что ее папа вручает свой сарай — пивоваренный сейф — незнакомке. Но тут Энни пояснила:

— Тут ведь есть жилой автоприцеп, так? Я в него вселяюсь. Тот человек, у которого я его арендую, —

Эдди Беддоу? — сказал, что Брюс передаст мне здесь ключ. Так он там?

Она указала за полосу препятствий. Дженн кивнула, но про себя подумала, что Энни, наверное, говорит о каком-то другом прицепе, потому что жить в развалюхе, которая стоит неподалеку от их дома, сколько Дженн себя помнит, просто невозможно.

Энни сказала:

— Отлично. Так что ты не возражаешь?.. Можно?.. Ну, можно мне убрать все это?

Дженн начала ногами сталкивать препятствия на обочину. Энни подошла помогать, оставив двигатель включенным. Она оказалась высокая... впрочем, поскольку в Дженн было всего метр шестьдесят четыре, для нее почти все оказывались высокими... А еще у нее была масса веснушек. На ней была одежда, которую, похоже, купили по дороге на остров в Беллвью: облегающие джинсы, сапоги, свитер с высоким воротником, теплая куртка, шарф. Она словно сошла со снимка, рекламирующего сельскую жизнь в штате Вашингтон — вот только все это было слишком уж хорошо подобрано, чтобы такое носил настоящий сельский житель. Дженн невольно стало любопытно, что здесь делает эта Энни Тэйлор — если, конечно, не находится в бегах.

Держа мяч под мышкой, она пошла за машиной Энн в сторону прицепа, решив, что ее реакция при виде этой развалюхи будет поинтереснее обводки.

«Ох!» — вот что было написано у Энни Тэйлор на лице, когда Дженн ее догнала. И этот ох не был частью «Ох, как круто!». Скорее, это был ох из «Ох, господи, ну я и попала!».

Она вышла из машины и стояла, остолбенев: все ее внимание было сосредоточено на единственном домике на колесах, находящемся поблизости.

— Это... э... он? — спросила она, глядя на Дженн.